

ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНТУИЦИИ КАК ФОРМЫ ПОЗНАНИЯ В ТРАКТАТЕ СТАНИСЛАВА ЛЕМА «СУММА ТЕХНОЛОГИИ»

*Бахметьев А.Э.
г. Самара, Россия*

Статья посвящена исследованию понятия интуиции и её места в философии польского философа и писателя Станислава Лема. В данной статье рассмотрено место интуиции в философской системе Станислава Лема. Проанализированы ключевые пункты философской концепции Лема, определяющие особый статус интуитивного познания. Основной акцент исследования сделан на изучении системного статуса интуитивного познания в области философии, а также на соотношении интуиции и разума.

Ключевые слова: интуиция, творчество, познание, разум, философия, технология, сознание, наука.

Проблемный характер человеческого существования декларировал различные уровни познавательной активности. В истории философии образовалась двухчастная структура, которая дифференцируется на интуитивный и интеллектуальный уровни познания [1, с. 102]. Наличие двух противоположных уровней познания, несомненно, указывает на проблемный статус системных структур познания. Данная дифференциация наличествует и в сфере научного познания, где наблюдается примат рациональных инструментов и механизмов познавательного процесса. Однако необходимо отметить наличие интуиции в области научного знания, где интуиция находится не на лидирующих позициях. Однако это не указывает на отсутствие истинного статуса интуитивного познания.

Интуиция как особая форма познания находится в проблемном средоточии онтологии и гносеологии, акцентирующих в её системном ангажементе эвристический потенциал. С одной стороны, интуиция акцентирована на аутентичную креацию реальности, а с другой стороны, она есть один уровень познания. В истории философской и научной мысли *in genere* были разнообразные точки зрения в контексте проблемы истинности интуиции (единство онтологии и гносеологии). Системное единство онтологии и гносеологии в абстрактной форме позиционировалось в философии классического рационализма.

Интуитивное познание в классическом рационализме понимается как некий синтез чувств и разума. Однако интуиция инкорпорирована в сферу разума. Противопоставление интуиции недостоверному рассудочному и чувственному знанию упоминается в философских концепциях различных

мыслителей Нового времени. Например, об интеллектуальной интуиции говорят Николай Кузанский, Дж. Бруно, Р. Декарт, Б. Спиноза, Г.В. Лейбниц и прочие.

Классический рационализм абсолютизирует интеллектуальный уровень познания, обладающий непререкаемой степенью достоверности и ясности. На данном уровне не находится места для интуиции как руководящей инстанции, она нивелируется до «прекогнитивного уровня», говоря словами отечественного философа И.Д. Левина. Именно классический рационализм дефинирует интуитивное познание как *visio sive intuitio intellectualis* (интеллектуальная интуиция). Классические рационалисты, объясняя пользу, иначе говоря, *utilitas* разумного познания, говорят о неотъемлемом и основообразующем качестве *ratio* – систематичности (логике) – «искусство непротиворечивого тождества (идентификации)» [9, с. 49], так интерпретировала логику американская писательница Айн Рэнд. Она также указывает, что разум или же сознание есть «способность осознания, постижения того, что существует» [9, с. 41]. Разум работает с объектами разного рода и возводит их до статуса продукта логической идентификации опытных фактов, ибо знание не приобретается, если наблюдается *sui generis* hiatus между логикой и опытом. Неслучайно немецкий философ Г.В. Лейбниц, отвечая английскому мыслителю Дж. Локку, пишет: «*Nihil est in intellectu, quod non fuerit in sensu, excipe: nisi ipse intellectus* («Нет ничего в разуме, чего бы не было раньше в ощущениях, кроме самого разума»)» [4]. Именно поэтому процесс не только научного познания, но и познания *in genere* максимально рационализирован. Наука и разум отождествляются.

Однако несколько позже интуитивизм уравнивает интуицию в статусе и выступает против примата интеллектуального над интуитивным. Это наглядно проявляется у основоположника волюнтаризма А. Шопенгауэра, который превращает закон достаточного основания, в частности его четыре прецедента, в основообразующее условие процесса познания. (Основание становления, основание познания, основание бытия, основание действия.)

Интуиция предстает фундаментом, выстраивающим познавательный процесс. Ибо интуиция, как пишет Шопенгауэр: «содержит в себе живой зародыш, из которого могут вырасти оригинальные и истинные творения...» [12, с. 7]. По мнению интуитивистов, интуиция во всей полноте и ясности познает объект исследования без вмешательства рациональности. Тем самым, отношение к интуитивному познанию не только в области научного исследования, но и в процессе мышления, благодаря Шопенгауэру и интуитивистам (А. Бергсону, Н.О. Лосскому, А. Пуанкаре) и интуиционистам (Г. Вейлю и Э. Л. Я. Брауэру), занимает двойственную позицию. Интуиция

становится либо зависима от умопостижения (рациональности), либо обладает статусом автономности.

Интуиция, будучи формой познания, инкорпорирует творчество и изобретение. Как пишет французский философ Анри Пуанкаре: «интуиция есть орудие изобретательства» [8, с. 216]. Она позволяет нам видеть цель издали. Интуиция, несомненно, является основообразующим элементом творчества. Она выражает творческий замысел.

В контексте проблемы интуитивного познания, а также его истинности надлежит упомянуть концепцию польского философа Станислава Лема. Что же такое интуиция в контексте философской концепции Станислава Лема? Интуиция находится в самом центре научного знания. С точки зрения Лема, «наука – это предвидение» [6, с. 243]. Интуиция – вспышка и полнота знания, хотя факты могут быть скудными. Интуиция – это то, для чего требуется величайшая ясность. Интуиция предшествует интеллекту и теоретической мысли. К данной проблеме Лем подходит через оппозицию «человек-машина». Он задаёт вопрос, отсылающий к одноименной статье А.М. Тьюринга (1950 г.): «Может ли машина мыслить?».

Мыслительные процессы человеческого интеллекта и машины схожи, а именно в основе них лежат действия, заданные семантикой и интуицией. Отличие в том, что человеческое мышление более вариативно и динамично, нежели алгоритмичное мышление машины. Лем пишет: «Алгоритм – это полностью детерминированный распорядок действий, не меняющийся в процессе реализации, или что это такой распорядок, который благодаря преобразующим его обратным связям в процессе работы сам переходит в форму, отличную от исходной» [6, с. 193-194]. На примере игры в шахматы Лем выстраивает процесс интуиции. Интуиция для Лема – это процесс немозгового воспроизведения «неалгоритмичных процедур» [6, с. 575], что приводит к появлению понятия эвристики.

Интуиция есть процесс нахождения, то есть эвристика. Под которой Лем понимает, в духе советского исследователя Олега Константиновича Тихомирова (Эвристика человека и машины, «Вопросы философии»), «определенные общие правила, которыми пользуется субъект, стремясь к решению поставленной перед ним задачи, — в том случае, когда систематический перебор всех потенциально существующих вариантов невозможен (именно так обстоит дело в шахматах, где число возможных партий достигает порядка 10^9 в 99 степени)» [11, с. 99-100]. Тем самым, эвристика интуитивно ангажирована. Интуиция не является систематическим перебором вариантов, она есть целостный и ясный сбор и организация всей полученной информации.

Вот что об этом пишет советский математик А.Н. Колмогоров: «Общеизвестно, что карандаш и бумага необходимы в процессе интуитивных творческих поисков. Вместо полностью выписанных формул иногда на бумаге появляются их предположительные схемы с незаполненными местами, несколько линий и точек изображают фигуры в многомерном или бесконечномерном пространстве, иногда знаками обозначается ход перебора вариантов, сгруппированных по принципам, которые перестраиваются в ходе перебора и т. д.» [2, с. 170-171].

Именно уровнем поиска информации Лем и считает интуицию. Лем пишет: «Процедуры поиска подчиняются не “черно-белой” дедуктивной логике, не логике “истины” и “лжи”, “да” и “нет”, а малоизученной “цветной”, “гадательной” логике, логике “наверно это так”» [6, с. 575].

Интуиция, по мысли Лема, есть «мгновенный психический “снимок” объекта как целого» [6, с. 576]. Здесь наблюдается корреляция с немецким философом Николаем Кузанским («максимум...очевидным образом совпадает с минимумом» [7]) и отечественным мыслителем И.Д. Левиным («огромный заряд знания, сосредоточенный в одной точке» [3, с. 55]). Процесс интуитивного познания Лем объясняет на примере шахматной игры, подобно Анри Пуанкаре («Ценность науки») и Фердинанду де Соссюру («Курс общей лингвистики»). Пример шахматной партии конвергентен словам, отсылающим нас к де Соссюру: «Уяснению этого может помочь сравнение с игрой в шахматы, где довольно легко отличить, что является внешним, а что внутренним» [10, с. 29].

Исследуя действия шахматиста, Лем говорит: «Когда ходы противника соответствуют ожидаемому, то есть тому, что предвидел игрок, зона сужается до минимума, и, напротив, каждый неожиданный, непредвиденный ход влечет за собой значительное расширение зоны ориентировочных поисков и гораздо более обширное исследование альтернатив возникшей ситуации. Но особенно интересно, что определенного рода “находки”, все эти “внезапно рождающиеся” тактические замыслы – своеобразный аналог “творческого вдохновения”, которое в классическом рассказе символизируется возгласом “эврика”, – предваряются сериями очень быстрых движений глаз, между тем как сам шахматист совершенно не предполагает, что у него вот-вот “родится в уме” какая-то мысль» [6, с. 190].

Говоря о механике интуитивного познания, Лем отмечает, что «в действительности каждой мысли предшествует ускоренный до предела сбор информации (в данном случае получаемой с шахматной доски), а “внезапность” появления мысли есть результат проникновения информации, организованной и по крайней мере схематически обработанной на

подпороговом уровне, в область сознания, перехода ее с низших уровней интеграции на тот наивысший уровень, на котором окончательно формулируется план наиболее эффективных действий» [6, с. 190]. Именно ускоренным сбором информации и является интуиция.

Из сказанного становится очевидным, что интуиция в концепции Лема имеет эвристическую направленность и позволяет избежать алгоритмизации сознания, или же, говоря словами отечественного мыслителя П.К. Энгельмейера, «рутины» [13, с. 14]. Необходимо отметить, что эвристический потенциал интуитивного познания, являющегося единством онтологии и гносеологии, обеспечивается благодаря системности и логичности построения образного или понятийного ряда. Неслучайно в рассказе Станислава Лема «Охота на Сэтавра» Пиркс, анализируя разницу между Мефисто и Сэтавром, говорит: «помимо формул, в голове у кибернетика должно иметься хотя бы подобие интуиции» [5]. Однако позиционировать интуицию как догадку или озарение, с точки зрения Станислава Лема, не стоит, ибо «откровение и догадка есть иллюзия или самообман, порожденные несовершенством нашего интроспективного самоанализа». Именно поэтому Станислав Лем интерпретирует интуицию с точки зрения рационализма, в основе которой заложены механизмы не чувственного познания (догадка, озарение), а рационального (поиск, сбор и целостная организация информации). Следовательно, интуиция есть «снимок», включающий в себя всю целостность и полноту информации об исследуемом объекте. Интуиция как «снимок», с точки зрения Лема, обеспечивает истинность и целостность в исследовании и изобретении.

Литература

1. Горнштейн Т.Н. Философия Николая Гартмана (Критический анализ основных проблем онтологии). М.: Наука, 1969. 282 с.
2. Колмогоров А.Н. Юбилейное издание в 3-х книгах. Книга первая. Истина – благо. Библиография, М.: Физматлит, 2003. 384 с.
3. Левин И.Д. Сочинения. Том I. Москва: Радикс, 1994. 408 с.
4. Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разумении. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000541/st002.shtml>
5. Лем С. Охота на Сэтавра. URL: <http://liv.piramidin.com/belas/Lem/pirks/setawr.htm>
6. Лем С. Сумма технологии. М.: Изд-во «МИР», 1968. 608 с.
7. Николай Кузанский. Об ученом незнании. URL: http://www.theosophy.ru/lib/de_docta.htm

8. Пуанкаре А. О науке. М.: Наука, 1990. 736 с.
9. Рэнд А. Введение в объективистскую эпистемологию. М.: Астрель, 2012. 351 с.
10. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 432 с.
11. Тихомиров О.К. Эвристики человека и машины // Вопросы философии, 1966, № 4. С. 99-109.
12. Шопенгауэр А. Полн. собр. соч. Т. 4. М.: Изд. м-на Книжное дело, 1904. 454 с.
13. Энгельмейер П.К. Теория творчества. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 208 с.

**ПРОЕКТ «КИБЕРНЕТИЧЕСКОГО БЕССМЕРТИЯ» И
ТРАНСФОРМАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ:
ДЕБИОЛОГИЗАЦИЯ ИЛИ ДЕАНТРОПОЛОГИЗАЦИЯ?***

*Дёмин И.В.
г. Самара, Россия*

В статье рассматривается трансгуманистический проект трансформации человеческой природы и «кибернетического бессмертия», разбираются некоторые принципиальные возражения, выдвинутые против трансгуманизма в современной литературе. Делается вывод о том, что дебиологизация человека не означает с необходимостью его деантропологизации.

Ключевые слова: человек, трансгуманизм, кибернетическое бессмертие, русский космизм, природа человека, сущность человека, гуманизм, дебиологизация, деантропологизация.

Вопрос о трансформации человеческой природы и человеческой телесности в эпоху информационного общества и «кибернетической революции» [8] неизбежно оказывается в центре философских и мировоззренческих дискуссий. Актуализация этого вопроса в конце XX – начале XXI вв. связана по преимуществу с возникновением и распространением нового идейного течения – *трансгуманизма*.

Трансгуманизм в настоящее время не является завершённой системой мысли, детально проработанной доктриной, имеющей готовые ответы на

*Ранее работа публиковалась в журнале: Международный журнал исследований культуры. 2014. № 2 (15). С. 66-71. Статья печатается в новой редакции.